

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 327 (476: 430) (091) (043.3)

«БЕРЛИНСКИЙ ПАКТ О ТРОЙСТВЕННОМ СОЮЗЕ» 1940 Г. И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ГЕРМАНО–СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Д.А. МИГУН

*Республиканский институт высшей школы,
г. Минск, Республика Беларусь*

Введение. Современное развитие международных отношений требует глубокого осмысления исторического опыта. В настоящее время Германия является ведущим партнером Беларуси в Западной Европе. Отношения, сложившиеся между двумя государствами, не ограничиваются только экономическими или политическими контактами. В своей многоаспектности они затрагивают все стороны межгосударственных и социокультурных связей. Очевидно, что их успешное развитие невозможно без учета реалий исторического прошлого, в том числе в области политических, экономических и культурных взаимоотношений между Германией и Республикой Беларусь.

Анализ советско–германских политических и экономических связей необходим для принятия профессиональных решений в дипломатической сфере. История показывает, что нашим государствам необходимо широкое сотрудничество. В этой связи, тематика данного исследования приобретает особую актуальность.

Целью данного исследования является рассмотрение германо–советских политических и экономических отношений в предвоенный период. Автор попытался в данном исследовании отойти от привычных, еще советских, исторических схем и концепций, и на основании нового, мало исследованного документального материала, а также с привлечением ранее недоступных работ немецких историков, более объективно разобраться в сложнейших германо–советских контактах в преддверие Второй мировой войны.

Основная часть. 17 сентября 1939 г., в соответствии с секретным протоколом к «пакту Молотова–Риббентропа», советские войска заняли восточные области Польши. На демаркационной линии между ними и немецкими войсками состоялись совместные встречи и парады. Следом, 28 сентября 1939 г., главы внешнеполитических ведомств СССР и Германии подписали «Договор о дружбе и границе», где во втором, секретном, протоколе более точно определили области своих интересов. Немецкая сторона присоединяла к рейху земли от Везеля до Буга. Зонай советского влияния считались Финляндия, Эстония, Латвия и Литва, причем СССР попросил и получил «обмен» части восточной Польши на Литву.

Таким образом, два тоталитарных государства произвели «четвертый раздел Польши», после чего два года «дружбы» между ними ознаменовались очень выгодными для Германии крупными поставками стратегических материалов и продовольствия из Советского Союза. Политической целью Германии в этом сотрудничестве было обеспечение нейтралитета СССР во время начала военной кампании на Западе. Нацисты хотели также усилить доверие Советского Союза к Германии, особенно в свете начавшейся активной разработки планов гитлеровского нападения на Советский Союз.

11 февраля 1940 г. в Москве состоялось подписание хозяйственного соглашения между СССР и Германией. В нем предусматривалось, что Советский Союз поставит Германии товары на сумму в 420 – 430 млн германских марок за 12 месяцев, то есть до 11 февраля 1941 г. Германия же была обязана поставить СССР военные материалы и промышленное оборудование на ту же сумму за 15 месяцев, то есть до 11 мая 1941 г. [1, с. 448].

Немецкий исследователь Швендеманн указывает на то, что с экономическим соглашением, которое подписывалось 11 февраля 1940 в Москве, Советский Союз обязался экспортировать в Немецкую империю до августа 1941 г. сырья всех видов примерно 650 млн м³. [2, с. 143].

Далее Швендеманн отмечает, что советские требования импорта были выражены в поставках новых образцов морской, авиационной и сухопутной военной техники и технологии. Самый большой проект был связан с передачей крейсера «Lützow» и его изготовлением в Советский Союз. В меньших количествах экземпляров должны были быть поставлены образцы для лодочного

строительства и, как например, антикоррозийные пушки, перископы, подзорные трубы и аккумуляторные батареи [2, с. 144].

Кроме всего прочего, Советские пожелания к импорту концентрировались при этом на средствах производства для демонтажа мощностей сырья и промышленных мощностей, как например, устройства горнодобывающей промышленности, оборудования для нефтяной промышленности, для электрических электростанций, для химической индустрии и для производства стальной проволоки, дальних кузнечных учреждений и пресс-учреждений, и других машин [2, с. 144].

Любопытно то, что в немецкой прессе всячески подчеркивалось, что данное соглашение – это выражение «естественной способности дополнения немецкой и русской экономики». Беспрерывно указывалось то, что промышленные готовые товары и технологии из Немецкой империи, одного из всемирно ключевых ведущих индустриальных государств, должны были предоставляться в распоряжение традиционному экспортеру сырья на востоке, и затем применяться в обширном процессе индустриализации, в обмен на нужное немецкой промышленности сырье. Наряду с этим комментаторы концентрировали внимание на том, чтобы ценить соглашение как решающий удар против британской блокады [2, с. 146].

В начале апреля 1940 года германские войска вторглись в Данию и Норвегию и, почти не встречая сопротивления, оккупировали эти государства. Существовали и планы вторжения в Швецию, но их осуществлению помешала твердая позиция Советского Союза. Так, в беседе наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом от 13 апреля 1940 г. главой советского внешнеполитического ведомства отмечалось, что Германское правительство не должно быть заинтересовано в нарушении нейтралитета Швеции, так как Швеция, в силу сложившихся сейчас обстоятельств, будет ближе к Германии и дальше от англо-французского блока [3, с. 218]. Поскольку Советский Союз имеет известную заинтересованность в сохранении нейтралитета Швеции, то правительство СССР считает, что было бы лучше не нарушать нейтралитета Швеции. Шуленбург ответил Молотову, что «он как раз намерен был еще раз подчеркнуть, что Германское правительство не намеревается предпринимать какие-либо меры против Швеции и Финляндии. Слухи же всевозможного рода вокруг этого вопроса, конечно, имеются. Что касается самой Швеции, то она сама заявила о своем нейтралитете. Из этого следует, что Швеция намерена поддерживать нейтралитет, а Германское правительство не намерено его нарушать. Германии невыгодно нарушать нейтралитет Швеции» [3, с. 218].

10 мая 1940 года германские войска через Бельгию, Голландию и Люксембург начали наступление на Францию в обход «линии Мажино». Британский экспедиционный корпус, прижатый к Дюнкерку, вынужден был эвакуироваться на Британские острова. 10 июня 1940 года на Францию напала Италия, а 22 июня 1940 года новое правительство Франции во главе с маршалом Петэном подписало акт о капитуляции. Франция разделялась на две зоны. Северная часть страны была оккупирована германской армией, а в южной сохранялась юрисдикция правительства Петэна, которое обосновалось в курортном городке Виши. 29 июня 1940 года Франция подписала соглашение о перемирии с Италией, которая в дальнейшем захватила Британское Сомали в Африке, а в октябре 1940 года напала на Грецию.

После поражения Франции Германия контролировала ресурсы почти всей континентальной Европы. 27 сентября 1940 года в Берлине был подписан тройственный пакт между Германией, Италией и Японией о разделе сфер влияния в мире. Подписав данный пакт Германия, Италия и Япония пытались реанимировать дух старого Антикоминтерновского пакта. В нем содержалось обязательство сторон оказывать политическую, экономическую и военную помощь друг другу в случае нападения на одну из участниц пакта какого-либо государства, не вовлеченного в европейскую войну или в японо-китайский конфликт [4]. Так в статье 5 данного документа предусматривалось, что пакт никоим образом не затрагивает политического статус-кво, сложившегося в отношениях между каждой из трех держав и СССР [4]. Из секретной телеграммы поверенного в делах германского посольства в Москве В. Типпельскирха на имя И. фон Риббентропа от 25 сентября 1940 г. следует, что «...агитация поджигателей войны в Америке, привела к переговорам между двумя державами Оси, с одной стороны, и Японией – с другой» [5, с. 237]. Кроме того, там же указывалось на то, что «...этот союз с самого начала и последовательно направлен исключительно против американских поджигателей войны» [5, с. 237].

Как следует из секретной записки наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова, «Берлинский пакт о тройственном союзе является для Советского Союза чем-либо особенно неожиданным потому, что он представляет собой, по сути дела, оформление уже сложившихся отношений

между Германией, Италией и Японией – с одной стороны, Англией и Соединенными Штатами Америки – с другой стороны, и потому, что Советское правительство было информировано Германским правительством о предстоящем заключении тройственного пакта еще до его опубликования» [6, с. 276]. Далее В.М. Молотов отмечал, что «...Переходя к вопросу о значении пакта, следует прежде всего отметить, что он знаменует собой вступление в новую фазу войны, более широкую, чем до заключения пакта. Если до последнего времени война ограничивалась сферой Европы и Северной Африки – на Западе, и сферой Китая – на Востоке, причем эти две сферы были оторваны друг от друга, то теперь этой оторванности кладется конец, ибо отныне Япония отказывается от политики невмешательства в европейские дела, а Германия и Италия, в свою очередь, отказываются от политики невмешательства в дальневосточные дела. Это, несомненно, означает дальнейшее обострение войны и расширение сферы ее действия» [6, с. 276].

Советское правительство постоянно требовало от немецкого руководства разъяснений по поводу растущей деятельности немцев в Финляндии, Румынии, на Дальнем Востоке. Гитлер пришел к выводу, что только личный контакт может устранить все подозрения русских. Он поручил Риббентропу 13 октября послать длинное письмо Сталину с предложением провести в Берлине переговоры по всем вопросам, затрагивающим советско–германские отношения [5, с. 243–251].

Кроме всего прочего, Риббентроп в данном письме заявил, что «... историческая задача четырех держав заключается в том, чтобы согласовать свои долгосрочные политические цели и, разграничив между собой цели интересов в мировом масштабе, направить по правильному пути будущее своих народов» [5, с. 250]. Фактически это можно считать слегка завуалированным предложением СССР присоединиться к Тройственному пакту.

В довольно теплом по духу и уважительном по содержанию послании Секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина министру иностранных дел Германии И. фон Риббентропу от 21 октября 1940 г. указывалось на то, что «... вполне возможно дальнейшее улучшение отношений между нашими государствами, опирающееся на прочную базу разграничения своих интересов на длительный срок» [5, с. 253–254]. Сталин отмечал, что Молотов прибудет в Берлин 10–12 ноября.

В отношении возможного присоединения СССР к пакту Сталин уклончиво указывал то, «... что касается совместного обсуждения некоторых вопросов с участием представителей Японии и Италии, то, не возражая в принципе против такой идеи, мне кажется, что этот вопрос следовало бы подвергнуть предварительному обсуждению» [5, с. 253–254].

Из «Некоторых директив берлинской поездки» от 9 сентября 1940 г. мы узнаем, что перед Молотовым со стороны Сталина ставились задачи по согласованию с Берлином основных целей и векторов внешней политики СССР [6, с. 349–351]. Так, перед Молотовым ставилась задача: «...Разузнать действительные намерения Германии и всех участников Пакта 3–х в осуществлении плана создания «Новой Европы», а также «Великого Восточно–Азиатского Пространства»; границы «Новой Европы» и «Восточно–Азиатского Пространства»; характер государственной структуры и отношения отдельных европейских государств в «Новой Европе» и в «Восточной Азии»; этапы и сроки осуществления этих планов и, по крайней мере, ближайшие из них; перспективы присоединения других стран к Пакту 3–х; место СССР в этих планах в данный момент и в дальнейшем» [6, с. 349].

10–12 ноября 1940 г. в Берлине состоялись переговоры Молотова с Гитлером и Риббентропом. Риббентроп в своих мемуарах отмечает, что «... от этого визита я ждал многого. К сожалению, получилось по–другому. Визит Молотова в Берлин не стоял под счастливой звездой» [7, с. 235]. В ходе ряда встреч и доверительных бесед с Гитлером и Риббентропом Молотов заявил, что «Советский Союз может принять участие в широком соглашении четырех держав, но только как партнер, а не как объект (а между тем только в качестве такого объекта СССР упоминается в тройственном пакте) и готов принять участие в некоторых акциях совместно с Германией, Италией и Японией, но для этого необходимо внести ясность в некоторые вопросы» [6, с. 369].

В ходе своего визита в Берлин Молотов затронул целый ряд вопросов, связанных с состоянием советско–германских отношений. В целом переговоры не привели к положительным результатам. Даже во время их проведения в германском генштабе интенсивно прорабатывались планы нападения на СССР, проводились штабные игры по разыгрыванию различных вариантов боевых действий против Красной Армии. Вместе с тем, Гитлер строго предупредил Геринга, чтобы ни в коем случае не прерывались экономические контакты с СССР, дабы не вызвать у Сталина подозрений.

13 ноября Молотов получил от Риббентропа предложения «О пакте четырех держав», который предполагалось заключить сроком на 10 лет [6, с. 391–392].

Правительства СССР и Германии всячески стремились скрыть трения в советско–германских отношениях. Но Сталин лихорадочно думал о сложившемся положении. Он пришел к выводу продолжать дружбу и сотрудничество в экономической области, ибо СССР нуждался в передовых технологиях. Что касается политической области, то здесь Сталин изменил свою точку зрения. Для него перспектива присоединения к Тройственному пакту стала «менее привлекательной», чем раньше.

26 ноября в Берлине был получен ответ от Сталина. Он был прекрасной иллюстрацией к тому, в каком направлении работала сталинская мысль. Сталин не мог пойти на риск и отклонить предложение Гитлера о присоединении к Тройственному пакту. Советская экономика не была достаточно прочной, а Красная Армия достаточно сильной. Но Сталин хотел показать Гитлеру, что СССР не слабый противник и от него нельзя больше так дешево откупиться. Так, в секретной телеграмме немецкого посла Шуленбурга на имя Риббентропа отмечалось, что Советское правительство соглашалось присоединиться к Тройственному пакту при условии немедленного вывода всех немецких войск из Финляндии, которая затем должна была полностью перейти к СССР; Болгария на основе заключения договора о взаимопомощи с СССР должна была стать советским сателлитом и предоставить СССР военные и военно–морские базы для защиты Дарданелл и Босфорского проливов [5, с. 305–307] – здесь Сталин шел по старой, хорошо протоптанной в Прибалтике дороге. Предполагалось заставить Турцию предоставить СССР базы на ее территории: район к югу от Батуми и Баку по направлению к Персидскому заливу должен быть признан сферой советских интересов – иными словами, СССР должен был захватить арабские и иранские нефтяные промыслы; Япония должна была отказаться от своих прав на добычу нефти и угля на Северном Сахалине [5, с. 305–307]. Все это Сталин и Молотов предлагали зафиксировать в пяти секретных протоколах. Шуленбург обещал немедленно довести советские предложения до сведения своего правительства [5, с. 305–307].

По мнению английского историка А. Рида и австралийского историка Д. Фишера, «Гитлер разгадал тайный смысл этого послания. Оно сигнализировало ему, что «медовый месяц» в советско–германских отношениях миновал и что ему не следует надеяться на «подарки» [8, с. 111]. Отныне за все, что он захочет, ему придется либо платить, либо воевать. «Сталин – умный и коварный человек, – сказал он Гальдеру после прочтения его письма. – Он все больше и больше требует. Он расчетливый шантажист» [8, с. 111]. Немецкий дипломат Г. Хильгер в своих мемуарах указывает на то, что Гитлер не ответил на это послание [9, с. 303]. Далее немецкий дипломат пишет, что уже в 18 декабря 1940 Гитлер подписал Директиву № 21 или План «Барбаросса», который начинался со слов: «Немецкий вермахт должен быть подготовлен подавить Советскую Россию в быстром походе» [9, с. 303]. Фактически с подписанием данной директивы была подведена черта под германо–советскими отношениями после августа 1939 г.

Заключение. Целесообразно отметить, что межгосударственные соглашения, подписанные руководителями СССР и Германии, являются чрезвычайно важным свидетельством динамики развития советско–германских политических и экономических отношений в 1939 – 1941 гг., которые следует рассматривать с учетом значимости их места и роли, а также в контексте заключенного между Германией, Италией и Японией тройственного пакта о разделе сфер влияния в мире. Дипломатические шаги внешнеполитического ведомства СССР и руководства страны были обусловлены стремлением не оказаться вовлеченными в общеевропейскую войну, и подготовку военного конфликта мирового характера. Следует признать, что попытки Германии присоединить СССР к тройственному пакту закончились неудачей, а с подписанием директивы № 21 или плана «Барбаросса» была подведена черта под германо–советскими отношениями после августа 1939 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сиполс, В.Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939 – 1941. / В.Я. Сиполс. – М.: Международные отношения, 1997. – 448 с.
2. Schwendemann, H. Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941 / H. Schwendemann, Berlin: Akademie–Verlag, 1993. – 384 S.
3. Документы внешней политики: в 24 т. / Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М.: Международные отношения, 1959–2000. – Т. 23. В 2 кн. Кн. 1. 1 января–31 октября 1940 г. / Г.Э. Мамедов [и др.]. – 1995. – 750 с.

4. Пакт трех держав или Берлинский договор 27 сентября 1940 г. // Хронос. Всемирная история в интернете [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа, [http:// hrono.ru. / dokum / 19400927 pakt.html](http://hrono.ru/dokum/19400927_pakt.html) – Дата доступа: 05.02.2012.
5. СССР–Германия. 1939–1941. Секретные документы / Под ред. Ю.Г. Фальштинского. – М.: Эксмо, 2011. – 384 с.
6. 1941 год. Документы и материалы: в 2 кн. / Составители: Л.Е. Решин [и др.]. – М.: Международный фонд «Демократия», 1998. Кн. 1. – 1998. – 832 с.
7. Риббентроп, И.фон. Тайная дипломатия III рейха / И.фон Риббентроп. Перевод с немецкого Г.Я. Рудого. – Смоленск : «Русич», М.: «Мысль», 1999. – 448 с.
8. Рид, А. Смертельное объятие : Гитлер, Сталин и нацистско–советский пакт, 1939–1941 / А. Рид, Д. Фишер // Международные коалиции и договоры накануне и во время Второй мировой войны: реферативный сборник / Академия наук СССР, Институт научной информации по общественным наукам; отв. ред. С.З. Случ. – Москва, 1990. – С. 55–116.
9. Hilger, G. Wir und der Kreml. Deutsch–sowjetische Beziehungen 1918–1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten / G. Hilger, Frankfurt am Main: Athenaum Verlag, 1964. 322 S.

«THE TRIPARTITE ALLIANCE BERLIN PACT» 1940 AND ITS INFLUENCE ON GERMAN–SOVIET RELATIONS

D.A. MIGUN

Summary

The article issues in details the influence on the German–Soviet relations 1939 – 1941 of the triple pact signed on September 27 th 1940 in Berlin between Germany, Italy and Japan concerning the spheres of influence in the world.

The author considers dynamics in development of the German–Soviet political and economic relations in 1939 – 1941, both from point of view of mutual historical relations, and their places and a role in a context of the triple pact. The author tries to have a new look at this process and to state a corresponding estimation to occurring events.

© Мигун Д.А.

Поступила в редакцию 1 июня 2012г.